

В Магнитогорске с презентацией фильма «12»
побывал режиссер Никита Михалков

ОН РАВНОДУШНО ПРИЕМЛЕТ ХВАЛУ И КЛЕВЕТУ

ПРЕМЬЕРОЙ этот показ назвать было не то что трудно — невозможно. Потому что ровно за день до приезда Никиты Михалкова в наш город его фильм «12» закончил свое путешествие по магнитогорским кинотеатрам.

Зал ДКМ имени Серго Орджоникидзе, где состоялась встреча со зрителями, был практически полон несмотря на то, что львиная доля зрителей фильм этот уже видела — уж больно значим Никита Сергеевич в российском кинематографе. Так что за возможность увидеть его магнитогорцы не пожалели солидной суммы — от 500 до трех с половиной тысяч рублей. Журналистов предупредили: встречи с прессой не запланировано, поэтому вопросы лучше задавать прямо из зала. Никита Михалков пожелал присутствовать на сеансе — он сидел в зале вместе со всеми. А через час после показа улетел в Нижний Новгород, где проходят съемки «Утомленных солнцем-2». Кстати, как шутя говорил Никита Михалков, «12» — это фильм, снятый им в перерыве между основной работой — «Утомленными солнцем-2». И это не помешало ленте взять специального «Золотого льва» на Венецианском кинофестивале — «за великое мастерство режиссера в исследовании бытия во всей его сложности». В данном случае это больше, чем победа, — и этим началась беседа режиссера со зрителями. Выходя на сцену, Никита Сергеевич сразу предупредил, что отвечает на все вопросы: неудобные и даже оскорбительные. Но таковых не оказалось.

— Никита Сергеевич, снимая продолжение «Утомленных солнцем», вы говорили, что это и есть самая важная для вас работа. Почему вдруг появился «12»?

— Ну, одно другого не исключает. «Утомленные солнцем» — это фильм, который требовал большой подготовки: картина военная, снимается на базе разрушенной инфраструктуры российского кинематографа. А фильм «12» — это возможность, что ли, держать себя в кинематографическом тонусе. Ведь я не снимал восемь лет — и не потому, что не о чем было снимать или не хотел... Просто, уж если я взялся снимать, то хочу не болтать. Если уж говорить со зрителем, то разговаривать с ним. А разговор, особенно серьезный, требует накопления.

— Может ли фильм «12» повернуть кинематограф в сторону человека?

— Мы всегда шли этой дорогой. Россия — это единственный реальный мост между Востоком и Западом, и из Востока я взял для себя одну замечательную мудрость: если ты хочешь победить своего врага, спокойно ожидай, и мимо твоего дома пронесут его труп. К моему юбилею

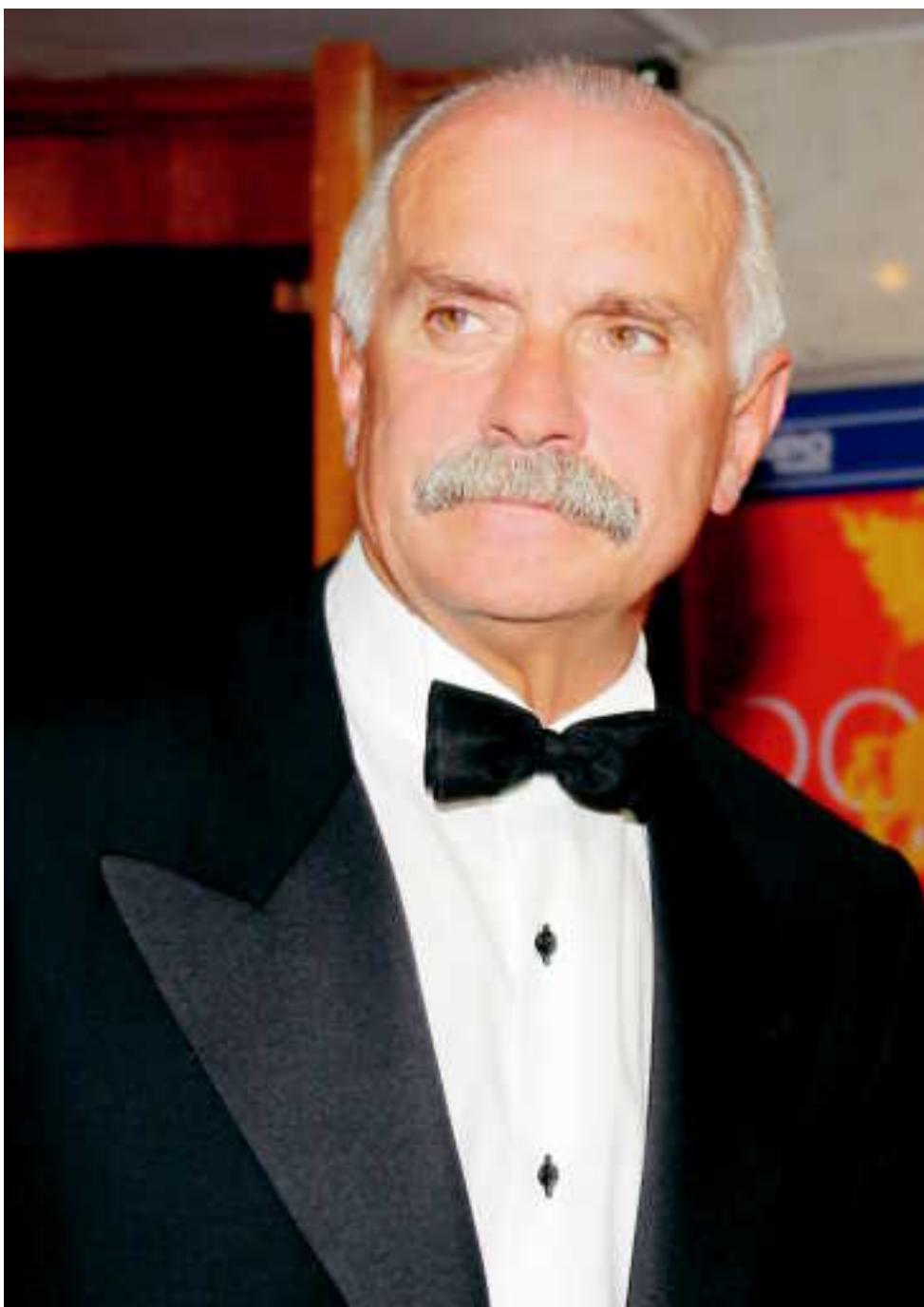
друзья сделали мне потрясающий подарок — собрали все мои интервью и провинциальным, и столичным СМИ. Я с ужасом начал листать, ожидая такого! Но с гордостью могу сказать, что и сегодня не отказываюсь ни от одного слова в них. Я всегда старался думать и говорить так, как это чувствую. Так сложилась судьба, что я не вступал в партию. Но даже если бы вступил, то не стал бы сегодня сжигать партбилет перед телекамерами — потому что это наша история. Могу сказать, что возможность думать и говорить что хочешь — это великое счастье, которое мне лично выпало в жизни. Я не ставил задачу поворачивать кинематограф в сторону человека. Задача моего фильма «12» — перевернуть человека внутри него самого. Заставить его задуматься. И если это происходит со зрителями, то задача моя выполнена.

— Правду ли говорят, что актеры, занятые на съемках «Утомленных солнцем», подписывали специальные контракты, по которым они не имели права давать интервью, пока съемки не закончатся?

— (Смеется). Я и сам читал, что половина актеров из-за этого была мною уволена... Знаете, мне довольно трудно представить, чтобы, отсняв половину материала, режиссер мог бы уволить кого-то из актеров. Кино — это ведь сложное, к тому же, дорогостоящее производство! С одной стороны, все это противно читать, а с другой... Ты интересен, на тебе даже умудряются зарабатывать средства массовой информации... Как сказал великий поэт: «Хвалу и клевету приемли равнодушно и не оспаривай глупца». Если говорить правду, то я действительно просил актеров не давать интервью до окончания съемок, но не связывал при этом никакими обязательствами. И актеры, честь им и хвала, это сделали, и интервью пошли только по окончании съемок.

— Никита Сергеевич, возможен ли фильм с вашим участием, в котором вы предстали бы в роли, к примеру, нищего бродяги или бедного российского пенсионера?

— (Думает). Актер должен уметь сыграть все, его задача при этом — верить в предлагаемые обстоятельства. Могу вам сказать, чтобы поверить в это, ребята, снимавшиеся в моем «Сибирском цирюльнике», на три месяца в буквальном смысле слова ушли в армию — окунулись в атмосферу Александровского училища: ходили одетыми в форму, проходили строевую подготовку, уроки балетных танцев, изучали кодекс офицерской чести... И для меня самой большой гордостью было то, что я выиграл ящик шампанского у кремлевского зрителя: когда одно из подразделений шло по площади стройной «коробкой», четко чеканя шаг, он

сказал: «Мои идут». А я ответил: «Нет, это мои». И это действительно оказались мои актеры.

— Как вы оцениваете шансы фильма «12» на получение «Оскара»? Что может этому помешать?

— Как раз помешать может все, что угодно — помочь ничто не может. Не в победах счастье, хотя, конечно же, и в них тоже — недаром мое имя переводится как «Победитель», «Насаждающий веру»... Предугадать победу в номинации «Оскар» «Лучший иностранный фильм» нереально — победителем станет всегда хорошая картина, но там так много равных хороших картин, что во внимание берутся совершенно другие факторы. Ты можешь даже предугадать и построить все так, как нужно жюри... Но если ты работаешь не от чистого сердца, тебе всегда чего-то не хватит для победы. Юрий Люцик сказал замечательную фразу: «Счастье — это не тогда, когда получаешь, это не тогда, когда получаешь — это тогда, когда получаешь». Когда снимал свою «Ургу», я сидел в степи и снимал, ничего не зная о ней, изучал ее, реально мог потро-

гать ветер, мне Господь давал радугу, когда она была нужна, там вообще было много чудес... И это настоящее счастье. И я думаю: пусть другие ездят на фестивали, получают премии, а я бы сидел тут и снимал. Когда 16 лет назад на Венецианском фестивале моя картина участвовала в закрытии, помню, как на утренней пробежке задал себе совершенно четкий вопрос: тебе дадут главный приз, но за другой фильм, а автором «Урги» будет другой человек — ты бы согласился? Думал, пока бежал, и, подбегая к своему номеру, кристально ясно осознал: ничего не хочу — хочу быть автором «Урги». То же самое сегодня: я хочу остаться автором фильма «12», что бы о нем ни писали. Я принял для себя формулу: счастье — это когда получается плюс внутренняя гармония. И, конечно же, когда твои желания совпадают с твоими возможностями.

— Случалось ли в вашей жизни хоть раз поступиться совестью? Только честно!

— Думаю, это не совсем корректный вопрос... Где рамки этого понятия? Поступался ли я совестью, когда из-за это-

го расстреляли моего товарища? Слава богу, нет. Где качество понятия «совесть»? Говорят же, совестливый человек — это тот, кто нашел кошелек и отдал его. Когда меня забирали в армию, это была сложная история, замешанная на любви... Меня записали в список протестующих, Москву расчищали перед приездом Никсона... Одним словом, я пошел в армию, где ко мне приставили прапорщика, совершенно погрязшего в пьянстве. И однажды я, простите, зайдя в уборную, увидел какой-то листок, на котором заметил свое фото. Это оказался мой допризывный лист — прапорщик просто потерял его. И я совершенно ясно понимаю: два движения руками — и порванный лист можно просто сдернуть в унитаз. Мне 25, года два я могу проколоть под большого, а потом — все, призывной возраст закончился! Но моя мама всегда говорила: «Никогда не бери того, что идет к тебе в руки слишком легко и от чего бы не смогли отказаться хотя бы пятеро из десяти». Как вы думаете: сколько человек из десяти не отказались бы от такого подарка судьбы? Да все десять!

И я понимаю, что это испытание: чего ты, Никита, на самом деле стоишь. И я взял этот лист, высушил его, положил в портфель спящего прапорщика и поехал служить в армию на Камчатку. И лучшие мои годы были опытом армейской жизни. И до сих пор я убежден, что для того чтобы мужчина жил и понимал, в какой стране он живет, он должен пройти армейскую службу.

— Скажите, какими качествами должен обладать актер, чтобы сняться в вашей картине?

— Юмором.

— Ваш брат Андрон попросил свои силы на театральных подмостках, поставив спектакль по Чехову. Вы никогда не хотели работать в театре?

— Я ставил спектакль по «Механическому пианино» в Италии с Мастрояни в главной роли, и это было абсолютное наслаждение. У Мастрояни был контракт на восемь недель, таким успехом пользовался спектакль. На спектакле был ныне покойный, к сожалению, Феллини, он сделал мне гениальный комплимент: «Первый раз вижу, что итальянские актеры могут играть Чехова». Это для меня была большая радость. У меня есть такие планы, конечно же.

— Что вас может разозлить по-настоящему?

— Ложь. (Думает). Ложь и несостоятельность, когда человек берется за что-то.

— Можете ли вы назвать себя ранимым человеком?

— Не знаю, об этом должны другие судить. Во всяком случае, я бы не хотел быть ранимым. Как сказал мой отец: «Лучше пусть завидуют, чем сочувствуют». Я предпочитаю эту формулу.

— Случались ли у вас выходные на съемках в Нижнем Новгороде? Как вы проводили это свободное время?

— Это знаете, как в одном анекдоте: «Моя жена отдыхает, в основном, по хозяйству». У меня нет выходных, честно говоря — во всяком случае, пока я снимаю. Вот сегодня у меня выходной, можно сказать. Я же не снимаю — значит, отдыхаю. (Смеется). По хозяйству.

Снова выйдя на сцену после показа «12», Никита Михалков сказал:

— Для меня это очень важный фильм, потому что, когда тебя что-то волнует, очень важно, чтобы это взволновало кого-то еще. Если Господь дал тебе возможность разговаривать с людьми, ты обязан думать, насколько важно нести людям то, что тебя волнует. Я не знаю ответа на все вопросы, но меня сам вопрос интересует больше, чем ответ. И поиск этого ответа вместе с моими соотечественниками, собственно, и есть смысл того, что я делаю...

Записала
РИТА ДАВЛЕТШИНА.
Фото ЕВГЕНИЯ РУХМАЛЕВА.